

Т.П. ЛИПАЙ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК),
А.К. МАМЕДОВ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА, РОССИЯ)

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ

Анализируются различные подходы к особенностям становления нового общества. Выделяются тренды развития и методологические основы познания новых социальных феноменов.

Various approaches to view the peculiarities of a new society's formation are given analysis to. Trends of development and methodological basis of cognizing new social phenomena are distinguished.

Становление нового *общества знания* (примем это условное обозначение с «лиссабонским оттенком») явило нам новые тренды рисков и противоречий, которые создают, по сути, новую систему «кризис-матрешек», когда решения одних приводят к необходимости решения следующих, зачастую более глубинных. «Незавершенность общества» (Э. Блох) становится константой, одна социальная парадигма сменяет другую, не дав той (предыдущей) раскрыться, реализовать свой потенциал, социальную конструкцию.

«Хотя история, – отмечает К. Поппер, – не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели, и, хотя история не имеет смысла, мы можем навязать ей смысл»¹. Масштабность современного кризиса, на непредсказуемость которого сейчас ссылаются все, заставила нас по-новому осмыслить базовые принципы современных теорий, провести основательную ревизию доминирующих воззрений. Не случайно в общественном сознании господствует кризисная оценка развития социальных наук, которые в силу ряда причин не смогли спрогнозировать кризис, его параметры, социальное поле и технологии выхода из него. Современный кризис независимо от его сущностных характеристик (финансовый, глобальный, капиталистический, олигархический и т. д.) выявил в том числе и реальную сложную картину девальвации научных теорий, скудость когнитивных рамок современных социальных парадигм, неспособных системно осмыслить кризис, его масштабы и последствия. Происходит присущий началу каждого века системный кризис наук как фон и отражение общего кризиса.

Фиксируется кризис «гиперрассказа» (Лиотар), кризис рациональности, что, несомненно, приведет к необходимости смены парадигм в социальных теориях, к нарушению *status quo*, который поневоле устраивал многих, ибо позволял в едином научном поле сосуществовать диаметрально противоположным теориям как отражение и отображение экзистенциалистского «разорванного мышления». В этом отношении кризис берет поневоле на себя и функции санации, в этом «тоннеле всегда виден свет» (И. Павлов), поэтому

кризис в силу своего характера, глубины и продолжительности должен стать «могильщиком» устаревших социальных технологий и идей, превратив их в «научный архив», «кладбище прошлых мыслей».

Новая экономика и новое общество – это данность современной социальной среды, преображенная структурно и изнутри. В социологическом мире нет единого мнения по поводу названия новой стадии социального развития. Так, наряду с понятием «информационное общество» используется довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер), «технотронное общество» (З. Бжезинский) и др. Как правило, в социологической литературе для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие приставку «пост», – это во многом обусловлено тем, что оно (определение) находится в стадии становления, и у теоретиков в полной мере не сложился его цельный образ, позволивший бы им оперировать более содержательными понятиями. Стремление в науке выразить сущность нового «странного» века вылилось в целый спектр определений. Дж. Литхайм говорит о постбуржуазном обществе, С. Алстром – постпротестантском, Г. Кан – постэкономическом, Р. Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп определений прагматическую нотку, предлагая термин *постнефтяное общество*, понятно, что в основе всех дефиниций – понятие *постиндустриальное общество*, популяризованное Д. Беллом. Общая приставка этих терминов, по мнению Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца (заканчивается определенная историческая эпоха). Это связано с «концом гиперрассказа», где текст утрачивает свой изначальный смысл, впрочем, как и все остальное, социально-экономические понятия и категории теперь все «не зависят от доказанности и даже непротиворечивости отдельных положений» (О. Шпенглер).

Постмодернистские научные теории носят скорее метафорический образный, чем строго научный системный характер и отображают, как правило, лишь одну из граней новой, пока еще не интеллигибельной, социальной конструкции. Так, в определении С. Алстрома «постпротестантское» упор делается на смену трудовой протестантской этики на гедонистическую. При этом игнорируется, что, помимо М. Вебера, есть концепция католической этики труда (В. Зомбарт), православной (С. Булгаков), исламской (М. Абдо) и т. д. Понятия «постнефтяное» (Р. Барнет), «постэкономическое» (Г. Кан) и другие также отдают «одноточностью» (термин Б. Хазанова), когда теория рождается как частная, периферийная, иногда маргинальная идея, а затем начинает претендовать на всеобщую «философию Цезарей и Чингисханов» (Ортега-и-Гассет). Перечисленные определения, на наш взгляд, не являются полными и системными, выполняют лишь частную функцию социальной маркировки, но не раскрытия сущностных механизмов развития. Мы более склонны именовать грядущее как общество знаний в силу тотального обретения в новую эпоху знанием особого социального статуса. Так, авторитетный теоретик в этой области Джон Нейсбит отмечает, что, «в отличие от других природных энергий, знание не подчиняется закону сохранения энергии: его можно создать, его можно уничтожить, но главное – знание синергично, т. е. целое, как правило, больше суммы частей»². Ему вторит П. Дракер, который считает, что знание уже сейчас стало базовой отраслью экономики и центральным ресурсом, доминантой в новой структуре. Общество знания – это не прямое и простое продолжение эпохи и духа Просвещения, в основе новой эры лежат иные «скрижали», в частности – латентное допущение о самодостаточности и самооценности знания, которое становится монопольным и доминирующим конструктом, по сути, сейчас формируется новое понимание «одномерного человека».

О. Тоффлер, А.Б. Мигдал³, П. Дракер и другие известные ученые в своих программных произведениях зафиксировали становление и начало новой

эпохи, когда показателем национального богатства выступают не запасы сырья или цифры производства, а количество и концентрация способных к научному творчеству людей. Фиксируется конец эпохи (стиля мышления) Меттерниха, когда территория, население, армия, сельское хозяйство и другие количественные показатели играли первоочередную роль, вместо этого – скученность городского населения, его образованность, здоровье и вовлеченность в коммуникативную реальность являются определяющим фактором⁴. Как отмечал А. Уайтхед, «в структуре непосредственной настоящей актуальности заложено то, что она будет преодолена будущим»⁵, и «в структуре настоящего запечатлены его взаимоотношения с будущим»⁶, т. е. сегодняшний день закладывает тренды будущих изменений.

Но каждая ступень прогресса имеет под собой и основу для регресса (Ж.-Ж. Руссо, Ф. Энгельс, К. Ясперс и т. д.). Так что, как обычно, «многие знания порождают печали». Знания не совсем (совсем необычный) социальный продукт, оно актуализируется в широком массовом потреблении, «идея начинает развиваться, когда ею делятся»⁷.

Гипотетически открытое каждому члену социума знание порождает новые реальные возможности развития, новую реальность, одновременно потребность и дефицит самой себя как открытой и динамичной системы. Возникает некая дилемма развития знания ради знания или проблема «очеловечивания» знания (да и науки).

По мнению ряда исследователей (Н. Стер и П. Вайнгарт), общество знания характеризуется следующими трендами развития:

- насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (сциентификация);
- замещение других форм знания наукой (в том числе профессионализация занятий);
- развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
- появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
- формирование нового сектора производства (производство знания);
- изменения в структуре власти (дебаты о технократии); трансформация основы легитимации власти в направлении специализированного знания (экспертотократия – но вовсе не обязательно «путь интеллектуалов к классовому господству»);
- развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности;
- трансформация основных источников социальных конфликтов⁸.

П. Вайнгарт формулирует сходные базисные положения, в частности, основывает свою концепцию общества знания на том, что:

- производство знания направляется ожиданиями полезности и ориентацией на практическое применение;
- процесс социального обучения, ведущий к общественным изменениям, может иметь место лишь в том случае, если он поддерживается знанием;
- фундаментальные исследования все чаще переходят из университетов в промышленные лаборатории, а основными формулами их проведения становятся экономические интересы;
- наука более не ориентируется исключительно на познание природы и открытие ее законов, а развивается в сферах ее применения;
- организация исследований происходит на фоне усиливающегося напряжения между тенденциями специализации и трансдисциплинарности⁹.

Таким образом, с точки зрения Стера, Вайнгарта и ряда других современных авторов, конститутивные характеристики общества знания связаны в первую очередь со всевозрастающим значением знания и связанного с ним интеллектуального труда для развития и воспроизводства социума.

Исследователи, как правило, обосновывают необходимость концептуального осмысления общества с выделением основных трендов развития. При социологическом анализе трендов развития зарождающегося общества выделим несколько ключевых моментов.

1. Изменение стиля мышления эпохи.

Изменяется сам стиль мышления, его качественные параметры, новая пост-модернистская реальность приводит к определенному «гносеологическому анархизму» (П. Фейерабенд), освободив мышление от оков строгости и последовательности. Как отмечает российский ученый З.М. Оруджев, «объективные основы этого процесса изменения свободы заключаются в том, что уже сегодня совершается переход от индустриального к информационному обществу. Индустриальное общество больше нуждается в “коллективных способностях” индивидов, в то время как информационное общество больше нуждается в “индивидуальных способностях” даже в коллективе»¹⁰. Современное общество требует оригинальности, инновации, непохожести, что в корне меняет трудовые установки, стандартное, машинное сменяется единичным. Заводы сменяются проблемными лабораториями, массовое производство сменяется созданием уникального, единичного, необычного¹¹.

2. Превалирование знаний над капиталом.

Доминанта главного ресурса современной компании – интеллект ее сотрудников – быстро и неуклонно растет. Технически грамотные, оригинально мыслящие, склонные к инновациям, креативные сотрудники ценятся сегодня чрезвычайно высоко. Они могут работать сразу на несколько различных по профилю организаций. В соответствии со знаменитым «принципом Питера» люди продвигаются по служебной иерархической лестнице до пределов своей компетентности. Сейчас люди продвигаются по служебной лестнице до тех пор, пока получают от этого творческое удовольствие. Когда удовольствие исчезает, талантливые работники увольняются – как правило, чтобы стать свободными агентами (что в принципе соответствует и тенденции смены протестантской этики труда гедонистической), фрилансерами и т. д. Современный капитализм уже вступил в «усталую стадию» и полностью освободился от первоначального аскетизма и приобрел способность реализовать свою власть не посредством идейного тоталитаризма и политического принуждения, а, наоборот, посредством постоянного поощрения разнообразия и полного поглощения всех новых идей и движений. Как пишет Брайан Массуми, описывая логику современного технологического, научного общества, «чем разнообразнее, эксцентричнее – тем лучше. Норма утрачивает свою власть. Правильность, системность постепенно сдают позиции. И этот отказ от нормальности есть часть динамики капитализма. Это не просто освобождение, а форма господства самого капитализма. Миром перестает править дисциплинарная институциональная власть – по мере насыщения рынков ей на смену приходят власть и способность капитализма производить многообразие. Создай ассортимент – и ты найдешь нишу на рынке. Сгодятся самые странные и эффективные из замыслов – ведь они за это платят. Капитализм начинает интенсифицировать или диверсифицировать эффект, но лишь затем, чтобы извлечь сверхприбыль. Он присваивает себе эффект, чтобы увеличить потенциальный доход. <...> Капиталистическая логика производства прибавочной стоимости усваивает поле относительности, которое является также областью политической экологии, полем этического сопротивления идентичности. И этот процесс представляется очень смутным и тревожным, потому что, на мой взгляд, в динамике капиталистической власти и динамике сопротивления было своеобразное сходство»¹².

Меняются и качественные особенности интеллектуальных работников, их основными характеристиками становятся:

- независимость от границ;
- мобильность (во всех направлениях);
- одинаковая вероятность успеха и поражения.

Глобализация приводит к невиданным интеллектуальным потокам, перемещениям «креативного класса», капитала, технологий. Пространственная и профессиональная мобильность становится отличительной чертой интеллектуала, его *modus vivendi*. При этом инновация требует необычных рисков, поэтому деятельность современного специалиста равновероятно нацелена на успех и поражение, что дает невиданный психологический подъем в творчестве¹³.

3. Усиление роли человеческого фактора, а значит, и необратимые изменения в социальной структуре общества.

Характеризуя данный тренд, З. Бауман отмечает: «Общество, вступающее в XXI в., отличается от всех других исторических форм человеческого сосуществования. <...> Принадлежать к “модернити” – значит быть не в силах остановиться, не говоря уж о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать “модернити” – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта»¹⁴. Еще раньше М. Тетчер констатировала, что нет такой вещи, как общество, что является метафорическим переносом идеи о роли индивидуума в современном мире. Тоффлер также описывал «конец эпохи индустриального общества», где территория, народ и армия играли доминантную роль, соответственно и повышалась, причем линейно, роль фабричного производства и сельского хозяйства.

Сегодня в объеме ВВП развитых стран доля сельского хозяйства сократилась до минимума. Соответственно и численность сельского населения в этих странах резко сократилась (как следствие – депопуляция). Общество будущего уже отошло в структурном отношении от норм того общества, в котором большинство до сих пор живет. Появляется описанное в западной социологии «странное общество» с принципиально иной социальной структурой, как-то: появление «новых пролетариев», новой элиты (эксперты, неократия), нового креативного класса, меритократия и т. д.

4. Усиление значения творческого и снижение роли неквалифицированного труда, формирования меритократии.

Общество будущего, с точки зрения П. Дракера¹⁵, развивается в следующих направлениях:

- старение населения;
- равенство между знаниями и информацией;
- минимизация сельского хозяйства;
- разрушение пенсионной системы;
- усиление иммиграции;
- минимизация ручного труда.

В западной социологической мысли отмечается усиление (в том числе и интенсивное) интеллектуальных работ, увеличение сферы обслуживания, фактор командной роли, а также появление женщин (как элемент стабильности) во всех сферах общества.

Важно отметить приоритет и доминанту образования, которое, безусловно, является основным фактором формирования современного социального капитала и обратной связи в социальных институтах. Примером могут служить «Города как школы»¹⁶, в которых дети от 13–14 лет обучаются сразу на практике и там же работают без получения среднего образования (фактически они получают диплом об окончании средней школы, но практически не обучаются по стандартным программам). П. Дракер также обращает внимание на важность повышения квалификации и углубления специализации (хотя при этом следует упомянуть и о важности специалистов-универсалов) при непрерывной системе профессионального обучения. Вместе с этим возникает парадокс современного образования: с одной стороны, демократизация образования, расширение доступности, вовлечение

широких слоев, а с другой – установка на индивидуальность, на формирование оригинального, нетривиального знания.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько сейчас и по времени «старая» (в смысле «ныне традиционная») система образования будет соответствовать этим новым нетривиальным задачам? Социология образования достаточно сумбурно отвечает нам сегодня на этот вопрос. Беспомощность социологии объясняется прежде всего тем, что такие важные отраслевые ее дисциплины, как «социология образования» и «социология (теория) элит», имеют различные (обособленные) предметы и теоретические основы своего научного исследования. Каждая из них занимается исключительно своими проблемами, совершенно не вникая в сопредельные с ней темы. По-видимому, будущее должно поставить перед обществом проблему именно «меритократического (элитарного) образования», что заставит социологию, наконец, соединить ее указанные отраслевые направления. Именно такое объединение социологии образования и социологии элит приведет к созданию новой отраслевой дисциплины – «социологии элитарного образования»; как отмечал Т. Адорно, «надо помнить о зависимости всех отдельных индивидов от тотальности, которую они образуют. В ней все зависит от всех»¹⁷.

В последнее время все большую популярность завоевывают идеи меритократии в созданной английским социологом Майклом Янгом¹⁸ концепции. Термин «меритократия» (лат. *meritus* – достойный и греч. *kratos* – власть) введен М. Янгом уже в 1958 г. в романе-притче «Возникновение меритократии. 1870–2033» и употреблялся вначале лишь для изучения процесса и выработки практических рекомендаций по улучшению системы образования. После выхода в свет книги американского социолога Даниэла Белла «Становление постиндустриального общества» (1973) понятием «меритократия» стал маркироваться новый принцип управления обществом, позволяющий, по мнению автора, устранить бюрократию и технократию.

Меритократическое общество, по Беллу, – это общество, где каждый получает то, что заслуживает, где индивид поднимается вверх благодаря собственным стараниям и способностям, где социальные неравенства существуют и оправдываются на основе критерия личных достижений. Формой правления данного общества является «власть заслуженных» – меритократия, означающая, что на вершине государственной организации находятся самые умные и самые деловые люди – элита, отобранная по признаку способностей. Дистрибутивные отношения в этом обществе, естественно, воплощают в себе принципы меритократической справедливости, девизом которой является «каждому – по его заслугам», причем приобретенным, во многом заработанным¹⁹.

Создатели теории «элиты заслуги», или «меритократии» (М. Янг, Д. Белл), пытаются соединить элитаризм не только с политической демократией, но и с идеей социальной справедливости. Согласно этой концепции, современное общество идет к господству «усовершенствованной элиты», элиты компетентности, которая объединяет наиболее достойных представителей общества, подчиняться которым не зазорно. Типология элит Д. Белла в общем варианте выглядит следующим образом:

1) *элита крови* (аристократическая элита соответствует рабовладельческому и феодальному, т. е. «доиндустриальным» обществам);

2) *элита богатства* (капиталистическая элита «индустриального общества»);

3) *элита знаний* (соответствует «постиндустриальному обществу»).

В условиях постиндустриального, в некотором смысле «странного общества» экономические отношения оттесняются на второй план и решающую роль начинают играть иные «внеэкономические отношения», на первое место выходит процесс «производства знаний», который приводит к револю-

ции экспертов и менеджеров. Современное социально-экономическое поле нелинейно, дискретно; «детерминизм сводится ныне к свойству, проявляющемуся лишь в отдельных случаях»²⁰. Поэтому управление требует иной, активной когнитивной схемы, инновационности и оригинальности. Отсюда и гегемония должна принадлежать в первую очередь элите знаний – самым способным, наиболее полезным в обществе людям, «признанным лучшими в своей сфере», «достойным восхищения», законно пользующимся почетом и престижем. Белл, помимо значения социального консенсуса, вводит также необходимый гарантированный минимум жизненных благ для всех независимо от вклада людей в общественный процесс. Более того, он открыто признает, что такое общество будет опираться на «старый коммунистический принцип»: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям», который он интерпретирует как «усовершенствование» принципа меритократии, актуализацию в современных условиях.

«Принцип меритократии должен проникнуть в университеты, бизнес, правительство. Общество, которое не имеет своих лучших людей во главе его ведущих институтов, есть социологический и моральный абсурд. Это не противоречит принципу честности... Принцип заслуг мне кажется необходимой основой продуктивного общества. Важно, что общество открыто каждому»²¹, – настаивал Белл.

5. Знания сотрудников как средство производства.

Новые средства производства очень компактны и могут легко перемещаться. Интеллектуальные работники обеспечивают корпорации «капитал» в том же объеме, что и владельцы-инвесторы. Стороны зависят друг от друга в равной степени. Теперь интеллектуальные работники не собственность корпорации, а равноправные партнеры²².

Корпоративный рынок профессионалов весьма далек от традиционного управления кадрами. Главное отличие в том, что сотрудники выстраивают свою карьеру и несут за нее персональную ответственность. По сути, каждый сотрудник – это лидер. Проблема в том, что само существование подобного рынка опровергает традиционное представление о том, что высшее руководство «владеет» и полностью распоряжается сотрудниками компании, что в корне меняет трудовые отношения.

Опережающий рост происходит в сфере интеллектуальных технических специалистов: компьютерщиков, разработчиков компьютерных программ, аналитиков, промышленных технологов и новаторов, эти люди в равной мере, в силу характера работы, являются работниками как физического, так и умственного труда. В основе их физического труда лежат глубокие теоретические познания, которые может дать, как уже отмечалось, только серьезное специальное образование.

Как отмечает российский исследователь А.И. Неклесса, «XX век ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей и продвинувшей в сферу практики ряд новых версий прочтения цивилизационного текста. Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения, создала культурную оболочку глобальных пропорций... прямо или косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению различных религиозных и культурных кодов, обустроив т. о. пространство открытой конкуренции мировоззренческих систем»²³. Вместе с тем на этом фоне проистекают не только названные тренды социального развития, но и цивилизационные «сдвиги»: 1) глобализм, универсальность, социальная гомоморфность; 2) становление нового суверена – активной творческой личности, сообществ личностей, получивших доступ к невиданным до сих пор технологическим богатствам. И смешения (комбинация), поневоле, могут дать совершенно неожиданные социальные конструкции и метаморфозы. Устанавливается новая эклектическая культура, свободные ассоциации и гибкие структуры заменяют устоявшиеся институты, социальный транзит

незавершен, постоянно изменяется, что, безусловно, потребует еще дальнейших научных (в первую очередь социологических) построений.

- ¹ Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 320.
- ² Нейсбит Дж. Мегатренды. М., 2003. С. 22.
- ³ См.: Мигдал А.Б. Поиски истины. М., 1978. С. 3.
- ⁴ Подробнее см.: Тоффлер О. Третья волна. М., 2010.
- ⁵ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 303.
- ⁶ Там же. С. 593.
- ⁷ Bush V. As we may think. Atlantic monthly. VII. 1945: <http://www.transatlantic.com/doc/94507/bush>
- ⁸ См.: Stehr N. Arbeit, Eigentum und Wissen. Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt a. M., 1994. S. 36.
- ⁹ См.: Weingart P. Die Stunde der Wahrheit? Vom Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft. Weilerswist, 2001.
- ¹⁰ Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. М., 2009. С. 361.
- ¹¹ См. об этом: Латур Б. Дайте мне лабораторию и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35).
- ¹² Massumi B. Navigating Movements // Hope, ed. Mary Zourmazi. New York, 2002. P. 224.
- Цит. по: Жижек С. Удары в сердце Империи? // Худ. журн. (Moscow Art Magazine). 2004. № 4 (56).
- ¹³ См. об этом: Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. М., 2000. Т. 2. Вып. 2 (3).
- ¹⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. М., 2002. С. 390.
- ¹⁵ См.: Дракер П. Управление в обществе будущего. М., 2007.
- ¹⁶ См.: Эпштейн М. Плоды альтернативного просвещения // Вокруг света. М., 2009. С. 86–95.
- ¹⁷ Adorno Th. Aufsätze zur Gesellschaftstheorie und Methodologie. Frankfurt a. M., 1973. S. 138.
- ¹⁸ См.: Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое сознание. М., 1991.
- ¹⁹ Об этом подробнее см.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 37.
- ²⁰ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 4.
- ²¹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973. P. 454.
- ²² См.: Елизаров А.П. Республика ученых: социальное пространство «невидимого общества» // Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю.Л. Качалова. М., 2000.
- ²³ Неклесса А.И. Эпоха постмодерна и новый цивилизационный контекст. М., 2008. № 1 (10). С. 18–19.

Поступила в редакцию 31.05.11.